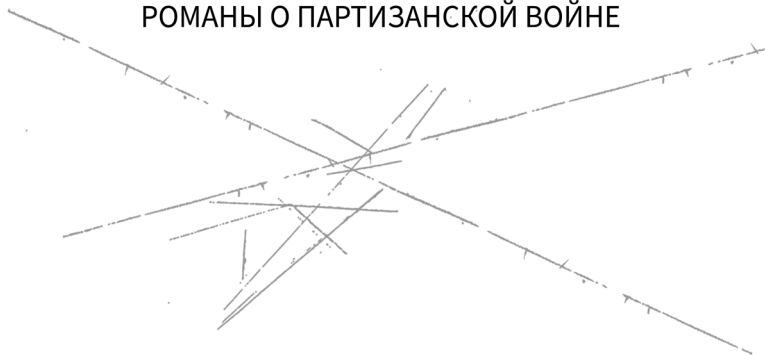
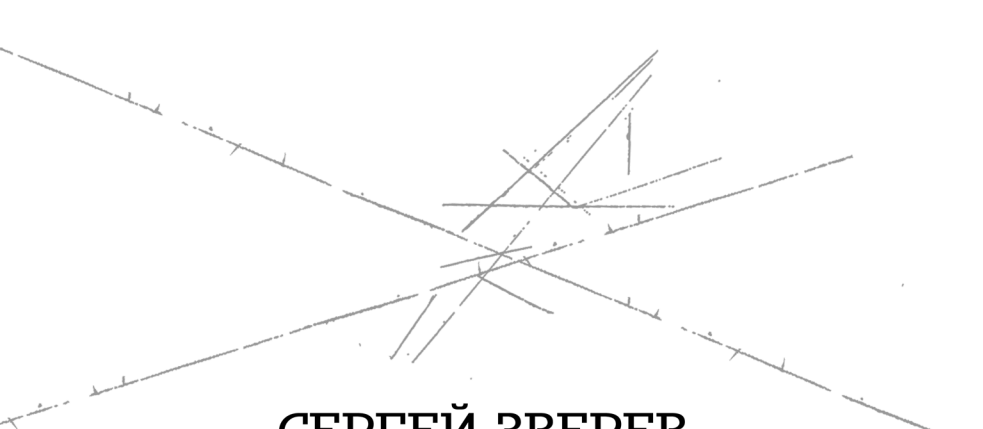

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

РОМАНЫ О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Художественное оформление серии *С. Курбатова*

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Лесная гвардия / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Лесная гвардия. Романы о партизанской войне).

ISBN 978-5-04-180994-2

Из многочисленной группы заключенных, решившихся на побег из немецкого концлагеря, вырваться на свободу удалось только ему одному. Оказавшись в незнакомом лесу на территории Польши, лейтенант Красной армии Александр Канунников готов снова, рискуя жизнью, бить фашистов. Но что может сделать один полуживой узник... Александр решает прорываться к своим, еще не зная, что здесь же, в оккупированном гитлеровцами приграничье, уже действует небольшой отряд сопротивления. Лесная гвардия рада пополнению. Но в отряде нечем воевать и почти нет запасов. Канунников предлагает своим новым товарищам напасть на охрану концлагеря и завладеть оружием...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180994-2

© Зверев С.И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

«Пять групп химических технологий». — Ледяные капли октябрьского ливня жалят стальными иглами в обнаженную спину, колотят тяжелыми камнями по голове.

— Schneller!¹

«Тепловые, раз!» — Острые колючки гравия на земле впиваются осколками в босые ноги, заставляя дергаться и сжиматься всем телом, будто под ударами тока. Каменные шипы повсюду, весь крошечный дворик перед баракom С концентрационного лагеря Собибор усыпан этими камешками.

«Гидромеханические, два!» — Из свинцовых туч сыплется и сыплется ледяной дождь, поливая бледные тела полураздетых заключенных блока С.

— Legen!²

¹ Быстрее! (нем.)

² Лежать! (нем.)

По приказу немецкого офицера дрожащие от холода узники после двух часов бега по кругу тюремного двора ложатся в стылые лужи. От озноба всех трясет крупной дрожью, тело отказывается слушаться, но офицер в черном длинном плаще бьет палкой за малейшее движение:

— *Legen, Russische Schweine!*¹

От удара сучковатой дубинкой Александра пронзило болью. Захлестнуло так, что кровавая, раздирающая на части выпышка затуманила мозг на несколько секунд, внутри тугой пружиной свернулась ярость.

«Схватить за ногу, повалить на землю и задушить!»

Перед глазами мелькнула картинка, как в его руках корчится умирающий эсэсовец, его фуражка с кокардой-орлом отлетела в сторону, а ноги в зеркально-блестящих сапогах елозят в судорогах по раскисшей грязи плаца.

«Нельзя! Терпеть! Нет! Это разрушит план!» — мысль вспыхнула яркой молнией посредине черной тучи окутавшего Александра гнева.

Лейтенант Канунников, заключенный номер 14724 концентрационного лагеря Аушвиц, покорно распластался на земле без движения. По

¹ Лежать, русские свиньи! (*нем.*)

голой спине между лопатками вдоль выпирающего из-под тонкой кожи позвоночника вспучился кровавым рубцом след от фашистской дубинки.

Зеркальные сапоги шагали от одного распростертого на влажной площадке тела к другому, удары сыпались все чаще и чаще. Ледяной холод земли, впивающиеся в кожу камни, боль от ударов, свинцовые капли промозглого дождя терзали, мучили незащитных людей — пленных советских офицеров. Но все до единого без ропота выполняли приказы своих мучителей, надсмотрщиков концентрационного немецкого лагеря.

Полураздетые узники бегали кругами под холодным дождем, на пронизывающем до костей ветру, ложились под лающие приказы в студёные лужи, снова вставали и снова бежали. Вот уже несколько часов подряд.

У охранников есть приказ — сломать взятых в плен советских военных, заставить плакать, молить о пощаде, превратить в животных, измученных и умирающих. Но пленные сопротивлялись, проявляя фантастическое терпение. Упорно, молча, без криков, с непроницаемыми лицами они выполняли каждую безумную команду. Безмолвно стояли под дождем, сти-

скивали зубы под десятками ударов, не просили теплую одежду или кусок лагерного пайка. Такое бессловесное сопротивление с каждым днем все больше выводило из себя эсэсовцев, и новые пытки становились все изощреннее. Словать, заставить склонить голову перед властью фашистов — вот чего они добивались. И каждый день был чернее предыдущего.

С рассвета до наступления темноты истерзанных голодом и холодом людей гоняли по бетонному пятачку двора кругами, так что забор и вышки с охранниками сливались в серую полосу. Им не разрешали надевать ничего, кроме тонких штанов из грубой ткани. На одного заключенного выдавали кусок засохшего хлеба размером с ладонь — еда на весь день. Крошечный плац засыпали колючим гравием и укладывали на зубья камней раздетых людей, чтобы из многочисленных ссадин потом всю ночь выступала кровь, чтобы сотни порезов сводили с ума, полыхали огнем по всему телу, лишали последних минут отдыха — неглубокого тревожного сна.

Свернувшись в клубок на голом полу, чтобы хоть как-то спастись от пронзительного холода в наспех сколоченном бараке с дырами в стенах вместо окон, лейтенант Александр Канунников

мысленно повторял лекции, которые зубрил перед экзаменами в техникуме химического машиностроения. Знания, цифры мирной жизни, как фотографии или кадры киноплёнки, помогали сосредоточиться на собственных мыслях, лишь бы не обращать внимания на бесконечный пульс боли в истерзанном теле.

«Массообменные технологии, три».

Солнце спустилось за горизонт, воздух превратился в зябкую сырую массу, окутал замершие тела на земле, будто саван мертвеца.

«Механические, четыре».

Когда блестящие сапоги прошли мимо к воротам блока С, Канунников незаметным движением сжал в руке большой кусок гравия и на несколько секунд прикрыл глаза.

«Диффузионные, пять».

За два месяца заключения он выучил дворик перед бараком до миллиметра. Саша знал каждую щель в стене барака, складку на форме охраны, рисунок сучков на досках, из которых были сделаны вышки. Сейчас его феноменальная память, что когда-то удивляла педагогов техникума, пригодится в деле. У заключённых блока С есть всего пять секунд с момента, как откроется тяжёлая дверь перед дежурным офицером и вспыхнут мощные фонари рядом с

вышками часовых. В это мгновение немецкие автоматчики наверху будут ослеплены ярким светом и перестанут видеть, что происходит в темном прямоугольнике крошечного плаца.

Секунда! Александр длинным прыжком свалил одного из эсэсовцев рядом с дверью и с размаху впечатал острый камень ему в висок. Тот не успел и вскрикнуть, по телу прошла волна судороги, и оно обмякло.

Вторая! Всем телом заключенный навалился на офицера, который не дошел один шаг до ворот. Одеревеневшие пальцы вырвали из кобуры пистолет и одним выстрелом остановили суетливые попытки сопротивления. Тяжелая фигура под заключенным дернулась и вытянулась в предсмертной агонии, струйка крови растеклась между камнями.

За спиной Александра глухо застучали десятки босых ступней, раздались крики охраны и выстрелы с вышек. С треском разлетелись стекла в прожекторах от полетевших в них камней — дворик накрыла темнота. Теперь охранники стреляли в движущуюся темную массу человеческих тел, штурмующих забор, наугад, вслепую.

Канунников в два прыжка преодолел короткое расстояние, вцепился онемевшими от

холода пальцами в доски забора и потянул на себя.

Рядом кто-то хрипло выдохнул:

— Сейчас, — и воткнул обломок доски в линии колючей проволоки, по которой гулял смертоносный ток.

Рывок, поворот, так чтобы лохматые колючки отлетели в стороны и преграда обвисла над ограждением бесполезным мотком. Беглец подхватил ее куском дерева и утопил в натянутые линии. Хлопок, треск разрядов! Тело выгнулось от боли под пульсацией тока, что прошел его насквозь...

Александр гаркнул во все горло:

— Давай!

Путь свободен. Узник погиб, приняв на себя удар, он знал, что так будет. Его смерть — путь на свободу для остальных.

Канунников резво подтянулся на руках и оказался наверху ограды. Спортивные занятия, сдача норм ГТО тогда, год назад, до распределения в военную часть в Польше! Комсомолец и курсант училища связи, он даже и не думал, как ему пригодится тренированное тело.

Длинный прыжок вперед! Твердая земля ударила по босым ступням, отозвавшись острой болью в щиколотках и коленях. Но нет ни секун-

ды для страданий, надо спастись! И он кинулся со всех ног. Как можно быстрее, как можно дальше к краю леса, который чернел впереди. Эта широкая густая полоса деревьев отделяла концентрационный лагерь от польского городишки Влодава. Островок свободы, место, где можно затаиться и найти убежище.

Еще три месяца назад Александр Канунников был обычным старательным новичком-летехой в советском военном гарнизоне. Это было там, в мирной жизни, которая текла, как спокойный глубокий ручей. Сейчас все изменилось: пришла армия германского рейха, безумный тиран оккупировал Польшу. Началась война, кровожадный монстр фашизма принялся пожирать человеческие жизни сотнями тысяч. И поэтому теперь советский офицер, лейтенант Александр Канунников, превратившийся в узника фашистского концентрационного лагеря, бежал, как затравленный зверь, спасая свою жизнь.

Плечо и макушку несколько раз обожгло несущимися вслед пулями немецких автоматов, будто оса ужалила, но его уже ничто не могло остановить. План сработал, впереди свобода! Позади на заборе, на тюремном пяточке, в двух шагах от колючей проволоки, змеящейся

вдоль всего лагеря, лежали десятки тел. Мертвые сокамерники — заключенные блока С, тоже советские офицеры. Они знали, что шанс вырваться на свободу невелик, что повезет лишь единицам, и все равно решились на побег. Свобода любой ценой!

По ночам заключенные шепотом обсуждали план, просчитывая каждую секунду, обдумывая свои действия: разбить прожектора, вырвать доску из основания вышки, замкнуть электричество в проволочном ограждении, перелезть через забор и убежать в лесополосу, которую они каждый день видели в щели забора.

Канунников тоже повторял, как прилежный студент перед экзаменом, мысленно отсчитывая секунды. Удар, прыжок, удар. Забор, прыжок — и бежать, бежать что есть сил! Бежать так, как не бегал никогда, на кону — его жизнь, его свобода.

Получилось! И не только у него. Саша слышал рядом шаги и дыхание других беглецов. Времени на переключку нет, надо нестись со всех ног в спасительный лес! Там, среди деревьев, они смогут укрыться, слиться с землей, затаиться в норе, пока идет облава.

В лагере уже поднялся шум — лай собак и крики охраны, через пять минут солдаты начнут

прочесывать окрестности. По следам пустят надрессированных овчарок. Им надо сбить собак с толку.

На секунду Канунников позволил себе оглянуться: рядом бежали еще пять человек, только их лица было трудно рассмотреть в сумерках.

— Товарищи, нам надо найти ручей или болото! Что-нибудь — воду! И пройти по ней. Собаки потеряют след!

Узники замедлились, затаили дыхание, прислушиваясь, не шумит ли где-нибудь рядом вода. Тишина. Черные деревья обвисли после дождя, под ногами хлюпает грязь и мокрая трава. Александр набрал полные легкие воздуха, затем сделал еще один глубокий вдох и еще, пытаясь уловить направление, откуда тянет влажной свежестью.

— Туда! — Взмах ладони направо, где заросли стоят густой стеной. — Там должна быть вода!

Он первым кинулся через мокрые кусты, остальные последовали за ним молча, задыхаясь после стремительного бега. Влажные ветки хлестко били по обнаженным телам, ноги скользили по грязи, подворачиваясь на глине. И все равно сбежавшие заключенные торопились, позабыв об осторожности. Двигались,

скользили, карабкались, хватались руками за ветки отчаянно и зло, движимые лишь одной силой — надеждой на спасение.

Лай тюремных овчарок становился все слышнее, разрывал на части спокойствие ночного леса. От угрожающего рыка сознание наполнялось первобытным ужасом, который толкал в спину, обжигал изнутри.

Впереди зашумела вода: заваленная буреломом узкая речушка перекатывалась в неглубокой низине. Один из заключенных шагнул в воду и с криком дернулся обратно — ледяная вода из подземного источника обожгла до костей. Ему показалось, что по ногам ударил электрический разряд.

— Идем через поток! Вода собьет собак со следа! А дальше — лезем на деревья!

— Нет! — Канунникову хотелось кричать, столько внутри было напряжения, но ему приходилось шептать. Лай собак и голоса солдат приближались, между черными силуэтами деревьев воздух уже разрезали лучи фонарей. — Они будут прочесывать весь лес. Пока не найдут. На той стороне реки тоже! Мы должны спрятаться в воде, нырнуть и задержать дыхание.